

ИСТОРИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

А.В. РАСТЯГАЕВ¹

*Московский городской педагогический университет
(Самарский филиал)*

Ю.В. СЛОЖЕНИКИНА²

*Московский городской педагогический университет
(Самарский филиал)*

КОНЦЕПЦИЯ ОСТРОУМИЯ А. П. СУМАРОКОВА³

Статья посвящена исследованию эссе А. П. Сумарокова «О разности между пылким и острым разумом», опубликованного в апрельской книжке «Трудолюбивой Пчелы» (1759). Предмет изучения – воссоздание европейского культурного контекста полемики Сумарокова и Ломоносова о природе искусства в целом и о роли остроумия в словесном творчестве. Общевропейская риторическая и поэтологическая традиция остроумия была той совокупностью эстетических идей, которую по-разному интерпретировали два основоположника русского стихосложения XVIII столетия. Именно на выявление этого различия и направлена реконструкция концепции остроумия Сумарокова истинный смысл которой задается парадигматикой европейского культурного контекста (Цицерон, Грасиан, Буало, Аддисон), с одной стороны, и, с другой стороны, синтагматикой апрельской книжки журнала Сумарокова, ее метатекстовым единством.

Ключевые слова: Трудолюбивая Пчела, остроумие, Сумароков, Ломоносов, риторика, поэтика, Цицерон, Гораций, Грасиан, Буало, Аддисон

A.V. RASTYAGAYEV

Moscow City University (Samara branch)

Yu.V. SLOZHENIKINA

Moscow City University (Samara branch)

CONCEPT OF WITNESS OF ALEXANDER P. SUMAROKOV

The paper studies Sumarokov's essay "On the difference between a passionate and sharp mind", published in the April issue of the magazine "Hardworking Bee" (1759). The subject of the study is the reconstruction of the European cultural context of polemics between Sumarokov and Lomonosov on the nature of art in general and the role of wit in verbal creativity. The Pan-European rhetorical and

¹ Андрей Викторович Растягаев, доктор филологических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой филологии и массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета (Самарский филиал)

² Юлия Владимировна Сложеникина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета (Самарский филиал), декан филологического факультета.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00356 А «Журнал А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (1759).

poetological tradition of wit was the totality of aesthetic ideas that were interpreted differently by the two founders of Russian versification of the 18th century. The reconstruction of Sumarokov's wit concept is aimed at revealing this difference. The true meaning of this concept is defined by the paradigm of the European cultural context (Cicero, Gracián, Boileau, Addison), on the one hand, and, on the other hand, by the syntagmatics of Sumarokov's magazine and its metatext unity.

Key words: Hardworking Bee, wit, Sumarokov, Lomonosov, rhetoric, poetics, Cicero, Horace, Gracián, Boileau, Addison

Статья А.П. Сумарокова «О разности между пылким и острым разумом», опубликованная в апрельской книжке «Трудолюбивой Пчелы» (далее – ТП) [ТП, 1759, с. 235–237]¹, представляет собой небольшой текст – всего две страницы. Однако в изучении истории русской литературы XVIII в. именно эта журнальная публикация стала точкой отсчета для построения концепции двух противоборствующих поэтологических моделей литературного творчества (Ломоносов / Сумароков) в трудах Ю.Н. Тынянова и Г.А. Гуковского.

Впервые идею противопоставления позиции М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова в вопросе о функции поэтической речи высказал Ю.Н. Тынянов. Основные положения ученого, опубликованные в статье 1927 г. «Ода как ораторский жанр», стали фундаментом целой концепции истории русской литературы XVIII столетия.

По мысли Ю.Н. Тынянова, «теория и практика витийственной оды складывается в борьбе», где «Сумароков выступает противником “громкости” и “сопряжения далековатых идей”, свойственных Ломоносову [Тынянов, 1977, с. 241]. Аргументируя свою позицию, ученый приводит длинный ряд цитат Сумарокова из его работ разных лет. Со ссылкой на новиковское издание 1787 г. даны отрывки из следующих статей: «О российском духовном красноречии», «О разности между пылким и острым разумом», «Письмо об остроумном слове», «К бессмысленным рифмотворцам», «К типографским наборщикам», «Критика на оду», «О стопосложении» [там же]. Подводя итог основной части теоретико-литературной статьи, Ю.Н. Тынянов делает вывод о главном различии функции поэтической речи в представлении двух противоборствующих описцев XVIII века: «Гиперболизму, образности, интонационному богатству, “громкости” ломоносовских од Сумароков противопоставляет семантическую “ясность” своих од» [там же, с. 244].

По данным К.А. Осповата, «выводы Тынянова были впервые обнаружены в его устном выступлении 1922 г. и до момента выхода статьи “Ода как ораторский жанр” неоднократно предавались огласке в форме докладов и лекций» [Осповат, 2005, с. 5]. Именно эта концепция

¹ Далее при цитировании эссе страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

оказала большое влияние на ранние работы Г.А. Гуковского, который опубликовал в том же 1927 г. книгу «Русская поэзия XVIII века», написанную ученым в 1923-1924 годах [Тынянов, 1977, с. 490–491; Живов, 2001, с. 9]. По мысли К.А. Осповата, «распространяя и упрощая известные ему изустно выводы Тынянова, Гуковский переводит теоретические построения в историко-литературный регистр и доказывает существование особого “сумароковского” направления в русской литературе» [Осповат, 2005, с. 6].

Первую главу книги Г.А. Гуковский неслучайно называет «Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова», выдвигая на первый план, выявленное также из ряда статей Сумарокова разных лет, литературное credo поэта – формулу «простота и естественность». По словам ученого, «...Сумароков встретился с традицией Ломоносова и ревностно трудился над ниспровержением ее. Проповедуя “простоту и естественность”, он полемизировал одновременно с теми, которые писали иначе» [Гуковский, 2001, с. 50].

Работы Ю.Н. Тынянова и Г.А. Гуковского, изданные в 1927 г., стали классическими и сегодня нисколько не утратили теоретико-литературной и историко-литературной значимости. Основную претензию, которую может предъявить современный предвзятый читатель основоположникам данной концепции, можно найти во вступлении тыняновской статьи. Ученый отмечает: «Произведение, вырванное из контекста данной литературной системы и перенесенное в другую, окрашивается иначе, обрастает другими признаками, входит в другой жанр, теряет свой жанр, иными словами, функция его перемещается. Это влечет за собою перемещение функций и внутри данного произведения, доминантой оказывается в данной эпохе то, что ранее было фактором подчиненным» [Тынянов, 1977, с. 244]. Однако сам Ю.Н. Тынянов, мысля вневременными категориями, сознательно уходит от «доминанты функции» сумароковских статей 1759 года. Для него все тексты, изданные Н.И. Новиковым под именем А.П. Сумарокова, составляют метатекст, из которого возможно выделить доминанту, определяющую все творчество поэта. Для доказательства правоты своей концепции Ю.Н. Тынянову не важно, когда и по какому поводу написана и где напечатана та или иная статья Сумарокова. В случае со статьей «О разности между пылким и острым разумом» подобная исследовательская позиция выглядит несколько неубедительно. Хотя данная статья Сумарокова, опубликованная в ТП в апреле 1759 г., напрямую относится к предметной области исследования работы Тынянова, в ней нет ни слова именно об «ораторской пылкости» Ломоносова, на чем настаивает ученый.

В отличие от Ю.Н. Тынянова Г.А. Гуковский более щепетильно относится к цитированию сумароковских текстов и обращает внимание на факт первой публикации. Это один из немногих ученых, кто ссылается на статьи Сумарокова 1759 г. по помесячным книжкам ТП. Непосредственное обращение к тексту статьи «О разности между пылким и острым разумом» исследователь предваряет замечанием: «В ряде критических выпадов, замаскированных или открытых, он (Сумароков. – А.Р., Ю.С.) высказывает свое отношение к приемам, характеризующим ломоносовскую систему. Так, он переводит отрывок из трактата “О высоком” (Лонгина; с перевода Буало), выбирая для передачи русскому читателю именно то место, в котором осуждается “надутость”, стремление “превзойти великость”, “всегда сказать нечто чрезвычайное и сияющее”, осуждается “жар не во время”, излишняя “фигурность” речи, метафоризм и т. д., – все во имя “естественности”» [Гуковский, 2001, с. 50].

Интерпретируя текст самой статьи, Гуковский предельно корректно его цитирует и следует за материалом: «В статье “О разности между пылким и острым разумом” Сумароков, в противоположность Ломоносову, называвшему остроумием ценную, по его мнению, способность быстро охватывать воображением целые ряды представлений, вольный полет фантазии, хоть и дополненный “рассуждением”, – утверждает, что “острый разум состоит в проницании”, способность же, восхваляемая Ломоносовым, есть только “пылкий разум”, при котором и без руководства “острого разума” поэт “набредит и бредом своим себе и несмысленным читателям поругание сделает”» [там же, 2001, с. 50–51]. Однако при всей фактологической точности для Гуковского сумароковский журнал ТП – это одновременно и «решительная атака сомкнутыми рядами, приступ, для которого Сумароков мобилизовал все свои силы», и основа «для образования сумароковской школы» [там же, с. 64–65]. Поэтому сама статья «О разности между пылким и острым разумом» - всего лишь еще один «выпад Сумарокова против одного из основных учений “Риторики” Ломоносова, хотя он и «тщательно замаскирован», а «статья вовсе лишена внешне выраженного полемического элемента» [там же, с. 51].

В.М. Живов считает, что в ранних работах Г.А. Гуковским осознается неизбежная схематичность контрастного изображения ломоносовского и сумароковского направлений мысли и поэтического творчества. Именно эта жесткая схема приводит Г.А. Гуковского к тому, что «он игнорирует европейский контекст полемики Ломоносова и Сумарокова, ясно показывающий, что оба автора исходят из одной и

той же совокупности эстетических идей <...>, но по-разному интерпретируют их в применении к русской культурной ситуации» [Живов, 2001, с. 15]. Именно на выявление этого различия и направлена статья Сумарокова «О разности между пылким и острым разумом», истинный смысл которой задается парадигматикой европейского культурного контекста и синтагматикой апрельской книжки ТП, шире - всего журнального метатекста сумароковского ежемесячного издания.

Современное значение слова *остроумие* стало исключительно риторическим: это качество публичной речи, в которой говорящий использует логические, языковые и прочие приемы, делающие высказывание смешным, украшенным языковой игрой, то есть эстетически оформленным. Словари современного русского языка не фиксируют первоначальное значение слова *остроумие*. Одно из первых наблюдений над сущностью остроумия и, следовательно, над значением этого слова принадлежит А.П. Сумарокову. Оно обозначено в статье «О разности между пылким и острым разумом». Называя статью таким образом, Сумароков сразу определяет основную проблему небольшого по объему текста, противопоставляя два типа разума. В заглавии явлена важная для писателя оппозиция ум пылкий / острый. Пылкий ум для Сумарокова – это ум поверхностный, скорый, беглый, а острый разум – глубокий, «состоит в проницании» (с. 235). Людей, блистающих беглостью разума, Сумароков считает малоумными, скудоумными, хитрыми. Он рассуждает о соотношении проницательности, глубины ума и скорости мысли для разных должностей: министра, судьи, солдата, полководца, стихотворца. Вывод писателя таков: «И так, когда говорится: Человек пылкой, это не называется, человек разумной. Разумной человек, есть человек основательной» (с. 236). То, что может быть испорчено скорыми, непродуманными решениями, часто и в долговременной перспективе исправлено быть не может (здесь Сумароков говорит о полководцах, которые быстрыми решениями теряют армии). То есть для Сумарокова остроумие соотносится с первым значением: «Острый разум доходит до основания» (с. 236). Можно утверждать, что исконное значение стало в современном русском языке семантическим архаизмом. Однако именно оно актуализировано в статье Сумарокова, его смысл порождается не столько текстом, сколько культурным контекстом европейских концепций остроумия [Растягаев, 2019, с. 103].

На эстетическую и поэтологическую позицию Сумарокова повлияла концепция остроумия (Wit) раннего английского Просвещения, которая нашла свое отражения в статьях Дж. Аддисона

в журнале «The Spectator» («Зритель» или в XVIII в. – «Смотритель»). Уже в 10 номере от 12 марта 1711 г. Аддисон афористично формулирует собственное журналистское кредо “For which Reasons I shall endeavour to enliven *Morality with Wit, and to temper Wit with Morality*, that my Readers may, if possible, both Ways find their account in the Speculation of the Day” [The Spectator. No. 10 – Monday, March 12, 1711 – Addison] (буквально: «... оживлять мораль остроумием и умерять остроумие моралью ...») [Левитт, 2018, с. 72]. В номере 62 от 11 мая 1711 г. английский публицист не только указал на полисемичность самого слова “wit”, но и предложил различать в одном из ключевых понятий английской поэтологической мысли остроумие истинное (true Wit) и ложное (false Wit). Аддисон считал остроумие достойным качеством джентльмена. Опираясь на труды предшественников (Локка, Каули, Драйдена, Буало и др.), он противопоставляет «истинное остроумие», которое выявляет сходство идей и явлений, «остроумию ложному», которое направлено на поиск внешних сходств и совпадений: “As true Wit generally consists in this Resemblance and Congruity of Ideas, false Wit chiefly consists in the Resemblance and Congruity sometimes of single Letters” [The Spectator. No. 62 – Friday, May 11, 1711 – Addison] (буквально: «Поскольку истинное остроумие обычно состоит в сходстве и совпадении идей, ложное остроумие состоит главным образом в сходстве и совпадении отдельных букв»). Подобное остроумие находит свое выражение в различных формах игры слов или риторической окрашенности произведений литературы. Кроме того, Аддисон особо выделял «смешанное остроумие» (mixed Wit), которое сочетает и сходство идей, и сходство слов: “As true Wit consists in the Resemblance of Ideas, and false Wit in the Resemblance of Words, according to the foregoing Instances; there is another kind of Wit which consists partly in the Resemblance of Ideas, and partly in the Resemblance of Words; which for Distinction Sake I shall call *mixt Wit*” [там же] (буквально: «Поскольку истинное остроумие состоит в сходстве идей, а ложное остроумие - в сходстве слов, согласно приведенным выше примерам, существует еще один вид остроумия, который состоит частично в сходстве идей, а частично в сходстве слов; который, ради отличия, я буду называть смешанным остроумием»). Такой вид остроумия, по наблюдениям Аддисона, встречается редко, например, в греческой эпиграмме или в произведениях Овидия [Красавченко 2008, с. 158–159].

Процитированное эссе Аддисона не было переведено и опубликовано в ТП. Однако интерес к «Смотрителю» и к эстетической позиции его издателей у Сумарокова присутствовал.

Публикация четырех переводов из английского журнала – тому свидетельство: «Речь XXVII из вторья части Смотрителя» в переводе Сумарокова (с. 180–87); «Часть III из I речи Смотрителя» (с. 229–231); «Речь LV из вторья части Смотрителя» (с. 498–505); «Речь XXVIII. Из вторья части Смотрителя» – все в переводе И.А. Дмитриевского (с. 542–549). Более того, это и есть часть того европейского, в данном случае английского, контекста полемики Ломоносова и Сумарокова, который был, по замечанию В.М. Живова, проигнорирован в свое время Г.А. Гуковским [Живов, 2001, с. 15]. И Сумароков, и Дмитриевский переводили с французского языка, поскольку в XVIII в. в Европе и в России английский журнал был известен только благодаря переводам. «Смотритель» был переведен на французский, немецкий, голландский и итальянский языки. Наиболее распространен был самый ранний французский – «Зритель, или Новый Сократ, показывающий безыскусный портрет нравов этого века». По наблюдению Ю.Д. Левина, «заглавие весьма характерно: оно свидетельствует, что современники придавали журналу широкое значение, считали, что он изображает нравы не одной страны, а всего “века”» [Левин, 1990, с. 12].

В уже цитируемой статье В.М. Живов отмечает общность эстетических оснований, но разницу их трактовки Ломоносовым и Сумароковым применительно к отечественной культуре [Живов, 2001, с. 15]. В нашем случае данная совокупность идей – это так называемые европейские концепции остроумия, рецепцию которых можно найти в разножанровом наследии и Ломоносова, и Сумарокова. Именно различием интерпретации теории остроумия, ставшей к середине XVIII столетия общеевропейской, а не только личной неприязнью к оппоненту обусловлен пафос статьи Сумарокова «О разности между пылким и острым разумом».

К 1759 г., моменту выхода сумароковского эссе, европейские концепции остроумия опирались на многовековые риторические и поэтологические традиции. По-латински (*acumen*, *argutia*, *ingenium*), по-английски (*wit*), по-немецки (*Witz*), по-французски (*esprit*), по-итальянски (*ingegno*), по-испански (*agudeza*) понятие *остроумие* уже выражает в самом общем виде «способность к неожиданному сближению понятий и предметов» [Махов, 2001, стб. 705]. Начиная с Аристотеля в разные эпохи и в контексте различных национальных культур актуализируются специфические риторические, поэтологические и эстетические смыслы.

Так, у Цицерона в трактате «Об ораторе» („De oratore“) обозначается важная для понятия *остроумие* дихотомия: „Duo enim sunt genera facetiarum, quorum alterum re tractatur, alterum dicto“ («Существует ведь два рода остроумия, один из которых обыгрывает предметы, другой - слова») [Cicero, 1942, p. 376; Цицерон, 1972, с. 235; Новожилов, 2010, с. 362]. По мысли С.А. Саловой, «восходящая к Цицерону дихотомия “остроумия в словах” и “остроумия в мыслях” получила новое обоснование в барочных поэтиках XVII века, авторы которых стали придавать эстетическому критерию *argutia* всеобъемлющий характер» [Салова, 2015, с. 106].

В 1648 г. в Испании был опубликован трактат «Остроумие, или Искусство изощренного разума» («Agudeza y arte de ingenio...»). В нем его автор иезуит Бальтасар Грасиан-и-Моралес (1601–1658) описал одно из свойств изощренного ума (*ingenio*) и особую форму мыслительной деятельности – остроумие (*agudeza*). Именно остроумие, по Грасиану, является основополагающим принципом художественного творчества: «Изоощренный ум, в отличие от рассудка, не довольствуется одной лишь истиной, но стремится к красоте» [Грасиан, 1977, с. 174]. Неслучайно данный принцип был положен в фундамент общеевропейской системы образования, созданной иезуитами, которая «имела широкий охват и пользовалась большим авторитетом» [Можаева, 2010, с. 231]. Концептистская поэтика Грасиана стала отражением совершившейся трансформации: замещения в творческом процессе подражания (*imitatio*) изобретением (*inventio*). С точки зрения Грасиана, «качественным отличием искусства изощренного ума является то, что оно оперирует на интеллектуальном, умозрительном уровне; словесная форма является для него лишь внешней оболочкой, не основным, а разве что вспомогательным средством» [там же, с. 231–232].

С.А. Салова отмечает, что найти зафиксированные следы знакомства Сумарокова с сочинениями Грасиана невозможно. Однако рецепция эстетической и поэтологической позиции испанского иезуита могла быть опосредована французской литературной традицией и немецкой университетской преподавательской практикой. Во-первых, известно, что наследие Грасиана в области теории остроумия нашло последователей «у “прециозных” еще в середине XVII столетия, а в 1680-е годы стало предметом довольно горячей полемики» [Салова, 2014, с. 49-50]. Во-вторых, «общезвестен факт, что Христиан Томазиус читал в Лейпцигском университете курс лекций по морали, праву и воспитанию, основываясь на предписаниях “Карманного оракула”, переведенного на немецкий язык в 1686 году» [там же]. Наконец, «творческие и личные контакты Сумарокова,

члена Лейпцигского Ученого собрания, с немецкими интеллектуалами, в частности с И. К. Готшедом, также могли стать источником его сведений о сочинениях знаменитого испанского иезуита...» [там же].

Еще более очевидным представляется влияние на концепцию остроумия Сумарокова трудов Буало. Еще в эпистоле «О стихотворстве» (1748), которая, по сути, стала первой отечественной стихотворной поэтикой, Сумароков «чередовал переводы и пересказы отрывков из “Поэтического искусства” с собственным объяснением того или иного вопроса» [Песков, 1989, с. 23–24]. Подобным образом поступает автор исследуемой статьи и в 1759 г., следуя принципам французского предшественника подчинять критику поэтике. Правда, в первом стихотворном переводе «Поэтического искусства» Буало, выполненном ТрEDIAKОВСКИМ и опубликованном в 1752 г., трудно опознать прецедентный текст сумароковской статьи:

Повольный был бы труд, коль вас ни торопят,
И спешности да в вас безумныя не зрят:
Стиль борзый, и бежать которому есть шутка,
Не толь ума есть знак, коль больше нерассудка

[ТрEDIAKОВСКИЙ, 2009, с. 23].

Однако на лексическом уровне налицо явные следы подражания французскому источнику:

Travaillez à loisir, quelque ordre qui vous presse,
Et ne vous piquez point d'une folle vitesse
Un style si rapide, et qui court en rimant,
Marque moins trop d'esprit que peu de jugement

[Boileau, 1872, p. 23].

У Буало присутствуют слова *rapide* ('скорый') и *esprit* ('остроумный'), которые в статье Сумарокова по принципу *inventio* будут по-новому интерпретировать традиционную дихотомию остроумия, приобретая форму эпитетов *острый* и *пылкий*: «Острый разум доходит до основания. Пылкий касается единой поверхности» [ТП, 1759, с. 235]. Эмпирически можно провести параллели между латинским *acuten* и русским *остроумием* в старославянской и древнерусской традиции [Богданов, 2006, с. 28-37], или *острым разумом* в трактовке Сумарокова [Растягаев, Сложеникина, 2019, с. 102-103]. Однако применительно ко второй части данной конструкции – *пылкий разум* – подобная традиция не прослеживается. До 1759 г. в русском языке не было метафорического значения слова *пылкий* в том смысле, который актуализируется у Сумарокова в эссе «О разности между пылким и остроумием»: «Скорые люди имеют иногда счастье, что их по беглости мыслей называют остроумными, хотя остроумие ни мало с беглыми мыслями

не связано. Острый разум состоит в проницании, а пылкий разум в единой скорости. Есть люди остроумные, которые медленны в поворотах разума, и есть люди малоумные, которые, и не имея проницания единою беглостью блистают, и подобных себе скудоумных человек мнимою своею хитростью ослепляют» (с. 235). Автор статьи употребляет эпитет *пылкий* в значении *скорый*, *беглый*, *быстрый* и даже *хитрый*. По данным Национального корпуса русского языка, отмеченное значение развивается лишь начиная со второй трети XVIII столетия в произведениях Д.И. Фонвизина «Торгующее дворянство» (1766), М.Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766–1768), М.М. Хераскова «Историческое предисловие [к “Россиаде”]» (1771–1779), Н.И. Новикова в журнале «Кошелек» (1774), И.И. Голикова «Статьи, заключающие в себе характеристику Петра Великого и суждения о его деятельности» (1788), Н.М. Карамзина «Евгений и Юлия» (1789) и др.

Не настаивая на безусловном первенстве Сумарокова в данном вопросе, отметим, что широкий европейский контекст статьи издателя ТП, восходящий к Цицерону, Буало и Аддисону, на уровне терминологии, возможно, наследует трактату Грасиана «Остроумие, или Искусство изощренного разума» при посредничестве французского или немецкого культурных контекстов. Так, во вступлении, обращаясь к читателю, испанский иезуит именует свою оригинальную концепцию остроумия *teórica flameante* – «пламенеющая теория» [Можаева, 2010, с. 231].

По наблюдению С.А. Саловой, «метафоризм одического стиля Ломоносова Сумароков воспринимал как актуализацию *asumen’a* почти исключительно в его украшающей, декоративной функции» [Салова, 2014, с. 51]. Между тем автор эссе не отрицает важности пылкого ума при наличии острого в акте творчества, но предупреждает от опасности: «...стихотворцу пылкость полезна, только она и вредна без остроумия» (с. 236). Опираясь на поэтологический опыт Цицерона, Аддисона, Грасиана, Буало и др., Сумароков пытается гармонизировать традиционную дихотомию европейских концепций остроумия. Однако обыгрывает он это согласие острого и пылкого разума в ироническом ключе: «Полководец только и стихотворец без пылкости разума обойтись не могут. Им все обороты и перевороты мыслей в самой скорости потребны; однако простительнее, дремля, замарать бумагу, нежели потерять войско» (с. 236).

В какой-то мере издание ТП - своего рода объявление войны, где редактор журнала выступает одновременно в двух ипостасях: и полководца, и стихотворца. В литературной войне оказывается одинаково полезным и острый, и пылкий разум. Сумароков уже был

участником подобных военных действий в 1740-х – начале 1750-х годов. Тогда, противостояние Тредиаковского и Сумарокова породило новые жанры: первые русские комедии, пародии на идиостиль писателя и критические трактаты [Растягаев, 2018b, с. 113].

С.И. Николаев в статье «Что такое “острота телесного ума” Протопопа Аввакума?» обратил внимание на один любопытный момент полемического выпада Тредиаковского против Сумарокова, напрямую связанного с проблемой остроумия. Исследователь цитирует отрывок из пространной литературно-критической статьи Тредиаковского 1750 г. «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю»: «Признаваем несколько, что есть в нем (Сумарокове. – А. Р., Ю. С.) природная острота, но сия острота в нем необученная» [Николаев, 2000, с. 72]. С. И. Николаев видит типологическую близость предмета полемики середины XVIII в. с более ранним русским историко-литературным контекстом – увещаниями А.С. Матвеева и Симеона Полоцкого, с которыми они пришли к протопопу Аввакуму в августе 1667 года. Точнее, с вердиктом, вынесенным Полоцким, после жаркого спора: «Острота, острота телеснаго ума да лихо упрямство! А се не умеет науки!» [там же, с. 71]. Ученый делает вывод, что «по смыслу оба выражения, Симеона Полоцкого и Тредиаковского, идентичны, более того, они и выражены почти одними и теми же словами», поскольку авторы данных сентенций – «оба выученики духовных училищ – прибегли <...> к одному и тому же аргументу, заученному ими на занятиях в классе поэтики. Я имею в виду знаменитое место из “Послания к Пизонам” Горация (ст. 409–411), в котором он говорит о взаимоотношении природного дара (дарования, таланта) и обучения» [там же, с. 72].

Литературная война Сумарокова против Ломоносова, объявленная на страницах ТП, дала начало новой русской журналистике в форме оригинального частного издания. Эссе «О разности между пылким и острым разумом» – органическая составляющая поэтологического метатекста всей апрельской книжки ТП. Ей предшествует сумароковская статья «О несогласии» [ТП, 1759, с. 231–235]. В ней аллюзивно присутствует поэтологический топос *concordia discors*, который восходит к древнеримской поэзии и прежде всего к «Посланию к Пизонам», где впервые встречается формула Горация *symphonia discors*. Лаконичный теоретический посыл древнеримского поэта породил многовековую дискуссию, в рамках которой сама формула оценивалась двояко. Сумароков использует амбивалентность европейского культурного контекста в полемике с

Ломоносовым и усекает античный топос (*symphonia*) *discors* – до несогласия, объясняя принципиальное расхождение с оппонентом во взглядах на природу искусства. Издатель ТП расходится с составителем «Риторики» прежде всего из-за сердечного несогласия, а не какого бы то ни было рационального построения, изложенного в грамматиках и риториках: «Несогласие в роде человеческом не столько от разности степеней разума, сколько от несходства сердец происходит» (с. 231). Заявленный во вступлении тезис об истинных причинах несогласия между людьми остроумно аргументируется тремя примерами различной тематики. Общеευропейский культурный контекст полемики отсылает читателя к сочинениям Горация, Овидия, Псевдо-Лонгина, Дж. Аддисона и др. [Растягаев, 2018с, с. 145–150].

В статье «О разности между пылким и острым разумом» Сумароков продолжает дискуссию, объясняя, в чем его принципиальное несогласие с риторическим истолкованием природы поэтического творчества. Текст сумароковского эссе – яркий пример когнитивного остроумия, которое издатель ТП реализовал не только в собственной писательской практике, но и в едином метатекстовом пространстве своего частного журнала. Причём Сумароков, опираясь на знание европейских концепций остроумия, явленных в сочинениях Цицерона, Грасиана, Буало, Аддисона и др., предлагает свое видение проблемы и признает полезность для стихотворства остроумия в словах при обязательном условии остроумия в мыслях.

Именно сердечное согласие и остроумие в мыслях, по Сумарокову, способны охладить излишне пылкий разум, который может войти в противоречие с главным поэтическим принципом – следованию «простоте естества». Этому принципу посвящена последняя поэтологическая статья Сумарокова апрельского номера ТП – «О неестественности» [ТП, 1759, с. 237–240]. Данная статья – его семантическое ядро. В небольшом по объему прозаическом тексте Сумароков формулирует квинтэссенцию своей поэтологической и эстетической позиции. В заключительном эссе автор упрекает стихотворцев, излишне следующим риторическим правилам, за то, что они не чувствуют предмета изображения, пишут без души, обесценивая все свои творческие усилия. Причем неважно в силу умствования или невежества они всегда «уподобляются <...> оплакивающей смерть мужа своего вдовице, которая шед за гробом пела дурацкую песню» (с. 240). С точки зрения Сумарокова, песня дурацкая не только потому, что излишне стилистически нагружена, а потому что лишена органичности и естественности [Растягаев, 2018а, с. 681–682]. Когда налицо явное несоответствие, когда баланс разума и чувства нарушен, слезы вызывают смех, риторика выдает себя за поэтику, острословие – за остроумие, а придворный одописец – за стихотворца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов, К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов / К. А. Богданов. – Москва: НЛЮ, 2006. – 352 с.

Грасиан, Б. Остроумие, или искусство изощренного ума / Б. Грасиан // Испанская эстетика: Ренессанс, барокко, Просвещение / Пер. с исп. – Москва: Искусство, 1977. – С. 169–464.

Гуковский, Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Г.А. Гуковский / Общ. ред. и вступ. ст. В.М. Живова. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – 352 с.

Живов, В. М. XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом / В.М. Живов // Гуковский, Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – С. 7–31.

Красавченко, Т. Н. Эволюция понятия «Остроумие» в английской поэзии, поэтике и эстетике / Т. Н. Красавченко // Литературоведческий журнал. 2008. – № 23. – С. 146–169.

Левин, Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы / Ю.Д. Левин. – Ленинград: Наука, 1990. – 285 с.

Левитт, М. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»: композиция и направление / М. Левитт // Дар дружества муз: Сб. ст. в честь Н. Д. Кочетковой / отв. ред.: А. Ю. Веселова, А. О. Демин. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2018, – С. 69–77.

Махов, А. Е. Остроумие / А.Е. Махов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Москва: НПК «Интелвак», 2003. – Стб. 705–707.

Можаева, А. Б. Испанская поэтика / А.Б. Можаева // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. – Москва: Изд-во Кулагиной – INTRADA, 2010. – С. 192–235.

Николаев, С. И. Что такое «острота телесного ума» Протопопа Аввакума? / С. И. Николаев // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сб. науч. трудов / отв. Ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – С. 71–76.

Новожилов, М. А. Остроумие в немецкой барочной эпиграмме / М. А. Новожилов // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. – Москва: Изд-во Кулагиной – INTRADA, 2010. – С. 362–365.

Осват, К. А. Литературный спор Ломоносова и Сумарокова: дис. ... канд. филологич. Наук / К. А. Осват. – Москва, 2005. – 229 с.

Песков, А. М. Буало в русской литературе XVIII первой трети XIX в. / А. М. Песков. – Москва.: Изд-во МГУ, 1989. – 176 с.

Растягаев, А. В. «Есть люди остроумные...»: формирование семантической структуры слова *остроумие* в контексте XVIII в. / А. В. Растягаев, Ю. В. Сложеникина // Язык и культура. – 2019. – № 1 (45). – С. 96–107.

Растягаев, А. В. (а) «По окончании сего плачевного и смешного позорища...»: qui pro quo (на материале апрельской книжки "трудолюбивой пчелы" а.п. сумарокова) / А.В. Растягаев, Ю.В. Сложеникина // XVIII век: смех и слезы в литературе и искусстве эпохи Просвещения. – Санкт-Петербург: Алетей, 2018. – С. 637–682.

Растягаев, А. В. (б) О первом переводе «Метаморфоз» Овидия в журнале «Трудолюбивая Пчела» (1759) А. П. Сумарокова / А. В. Растягаев, Ю. В. Сложеникина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. Т. 24. – № 3. – С. 109–115.

Растягаев, А. В. (с) Статья А. П. Сумарокова «О несогласии» в апрельской книжке журнала «Трудолюбивая Пчела»: текст и контекст / А. В. Растягаев, Ю. В. Сложеникина // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. – С. 140–155.

Салова, С. А. Притчи А. П. Сумарокова и европейские концепции остроумия / С. А. Салова // Жанры в историко-литературном процессе сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Изд-во ЛГУ им А. С. Пушкина, 2015. – С. 105–116.

Салова, С. А. Б. Грасиан, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков // В лучистой филиграні: Сборник научных трудов к 65-летию С.М. Шаулова / С. А. Салова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – С. 41–53.

Трудолюбивая Пчела. Санкт-Петербург: [Тип. Акад. наук], 1759. – 767 с.

Третьяковский В. К. Наука о стихотворении и поэзии с французских стихов Боало-Депреовых стихами ж / В. К. Третьяковский // Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Подгот. Н. Ю. Алексеева. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – С. 18–51.

Тынянов, Ю. Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов // Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва: Наука, 1977. – С. 227–252.

Цицерон, Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с латин. Ф. А. Петровского [и др.]; Под. ред. М.Л. Гаспарова. – Москва: Наука, 1972. – 471 с.

Boileau, Nicolas. Boileau - Œuvres poétiques / L'Art poétique, Paris, Imprimerie Générale, Volumes 1 et 2, – PP. 203–211.

Cicero. In twenty-eight volumes, III De Oratore in two volumes I books I, II with an English translation by E. W. Sutton, B.C. L., M.A., London, William Heinemann Ltd, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1967. – 479 p.

The Spectator in three vol.: vol. 1. Introduction, Notes, and Index edited by Henry Morley, London, 1891. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/9334/9334-h/9334-h.htm>

REFERENCES:

Bogdanov, K. A. O krokodilah v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov / K.A. Bogdanov. – Moskva: NLO, 2006. – 352 s.

Ciceron, Mark Tullij. Tri traktata ob oratorskom iskusstve / Per. s latin. F. A. Petrovskogo [i dr.]; Pod. red. M.L. Gasparova. – Moskva: Nauka, 1972. – 471 s.

Grasian, B. Ostroumie, ili iskusstvo izoshchrennogo uma / B. Grasian // Ispanskaya estetika: Rennans, barokko, Prosveshchenie / Per. s isp. – Moskva: Iskusstvo, 1977. – S. 169-464.

Gukovskij, G. A. Rannie raboty po istorii russoj poezii XVIII veka / G.A. Gukovskij / Obshch. red. i vstup. st. V.M. ZHivova. – Moskva: YAzyki russoj kul'tury, 2001. – 352 s.

Krasavchenko, T. N. Evolyuciya ponyatiya «Ostroumie» v anglijskoj poezii, poetike i estetike / T.N. Krasavchenko // Literaturovedcheskij zhurnal. 2008. – № 23. – S. 146-169.

Levin, YU. D. Vospriyatie anglijskoj literatury v Rossii: Issledovaniya i materialy / YU.D. Levin. – Leningrad: Nauka, 1990. – 285 s.

Levitt, M. ZHurnal A. P. Sumarokova «Trudolyubivaya pchela»: kompoziciya i napravlenie / M. Levitt // Dar družestva muz: Sb. st. v chest' N. D. Kochetkovoј / otv. red.: A. YU. Veselova, A. O. Demin. – Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2018. – S. 69-77.

Mahov, A. E. Ostroumie / A.E. Mahov // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij / Pod red. A. N. Nikolyukina. – Moskva: NPK «Intelvak», 2003. – Stb. 705-707.

Mozhaeva, A. B. Ispanskaya poetika / A.B. Mozhaeva // Evropejskaya poetika ot antichnosti do epohi Prosveshcheniya. Enciklopedicheskij putevoditel'. – Moskva: Izd-vo Kulaginoj – INTRADA, 2010. – S. 192-235.

Nikolaev, S. I. CHto takoe «ostrota telesnogo uma» Protopopa Avvakuma? / S. I. Nikolaev // Problemy istorii, russoj knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya. Sb. nauch. trudov / otv. Red. E. K. Romodanovskaya. – Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2000. – S. 71–76.

Novozhilov, M. A. Ostroumie v nemeckoj barochnoj epigramme / M.A. Novozhilov // Evropejskaya poetika ot antichnosti do epohi Prosveshcheniya. Enciklopedicheskij putevoditel'. – Moskva: Izd-vo Kulaginoj – INTRADA, 2010. – S. 362-365.

Ospovat, K. A. Literaturnyj spor Lomonosova i Sumarokova: dis. ... kand. filologich. Nauk / K.A. Ospovat. – Moskva, 2005. – 229 s.

Peskov, A. M. Bualo v russoj literature XVIII pervoj treti XIX v. / A. M. Peskov. – Moskva: Izd-vo MGU, 1989. – 176 s.

Rastyagaev, A. V. «Est' lyudi ostroumnye...»: formirovanie semanticheskij struktury slova ostroumie v kontekste XVIII v. / A.V. Rastyagaev, YU. V. Slozhenikina // YAzyk i kul'tura. 2019. – № 1 (45). – S. 96–107.

Rastyagaev, A. V. «Po okonchaniy sego plachevnago i smeshnago pozorishcha...»: qui pro quo (na materiale aprel'skoj knizhki "Trudolyubivoy pchely" a.p. Sumarokova) / A. V. Rastyagaev, YU. V. Slozhenikina // XVIII vek: smekh i slezy v literature i iskusstve epohi Prosveshcheniya. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2018a. – S. 637–682.

Rastyagaev, A. V. O pervom perevode «Metamorfoz» Ovidiya v zhurnale «Trudolyubivaya Pchela» (1759) A.P. Sumarokova / A.V. Rastyagaev, YU. V. Slozhenikina // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2018b. T. 24. – № 3. – S. 109–115.

Rastyagaev, A. V. Stat'ya A. P. Sumarokova «O nesoglasii» v aprel'skoj knizhke zhurnala «Trudolyubivaya Pchela»: tekst i kontekst / A.V. Rastyagaev, YU. V. Slozhenikina // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2018c. – № 4. – S. 140–155.

Salova, S. A. Pritchi A. P. Sumarokova i evropejskie koncepcii ostroumiya / S.A. Salova // ZHany v istoriko-literaturnom processe sbornik nauchnyh statej. – Sankt-Peterburg: Izd-vo LGU im A. S. Pushkina, 2015. – S. 105–116.

Salova, S. A. B. Grasian, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov // V luchistoj filigrani: Sbornik nauchnyh trudov k 65-letiyu S.M. SHaulova / S. A. Salova. – Ufa: Izd-vo BGPU, 2014. – S. 41–53.

Trudolyubivaya Pchela. Sankt-Peterburg: [Tip. Akad. nauk], 1759. – 767 s.

Trediakovskij V. K. Nauka o stihotvorenii i poezii s francuzskih stihov Boalo-Depreovyh stihami zh / V.K. Trediakovskij // Trediakovskij V. K. Sochineniya i perevody kak stihami, tak i prozoyu / Podgot. N. YU. Alekseeva. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2009. - S. 18–51.

Tynyanov, YU. N. Oda kak oratorskij zhanr / YU. N. Tynyanov // Tynyanov, YU. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino / YU. N. Tynyanov. – Moskva: Nauka, 1977. – S. 227–252.

ZHivov, V. M. XVIII vek v rabotah G. A. Gukovskogo, ne zagublennyh sovetskim hronosom / V.M. ZHivov // Gukovskij, G.A. Rannie raboty po istorii russkoj poezii XVIII veka. – Moskva: YAzyki russkoj kul'tury, 2001. – S. 7–31.

Boileau, Nicolas. Boileau - Œuvres poétiques / L'Art poétique, Paris, Imprimerie Générale, Volumes 1 et 2, PP. 203-211.

Cicero. In twenty-eight volumes, III De Oratore in two volumes I books I, II with an English translation by E. W. Sutton, B.C. L., M.A., London, William Heinemann Ltd, Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1967. – 479 p.

The Spectator in three vol.: vol. 1. Introduction, Notes, and Index edited by Henry Morley, London, 1891. URL: <http://www.gutenberg.org/files/9334/9334-h/9334-h.htm>